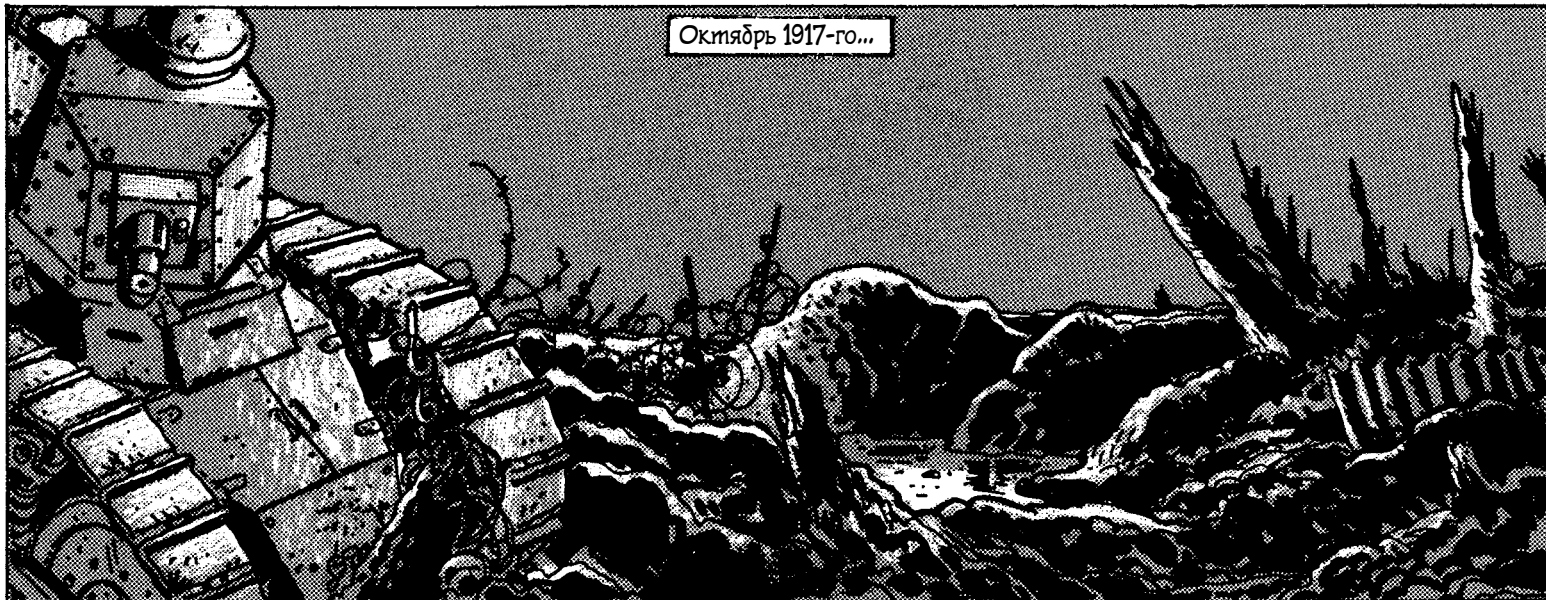

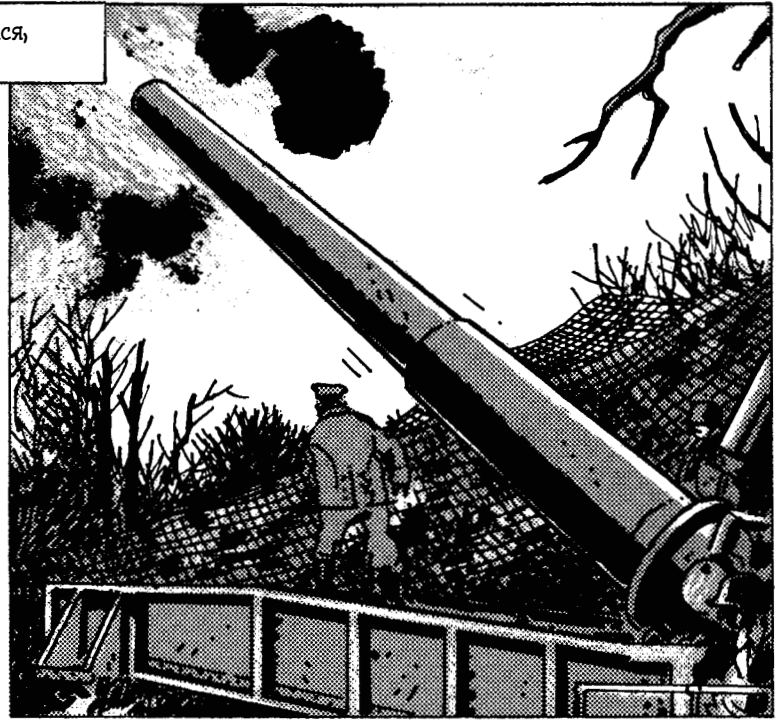
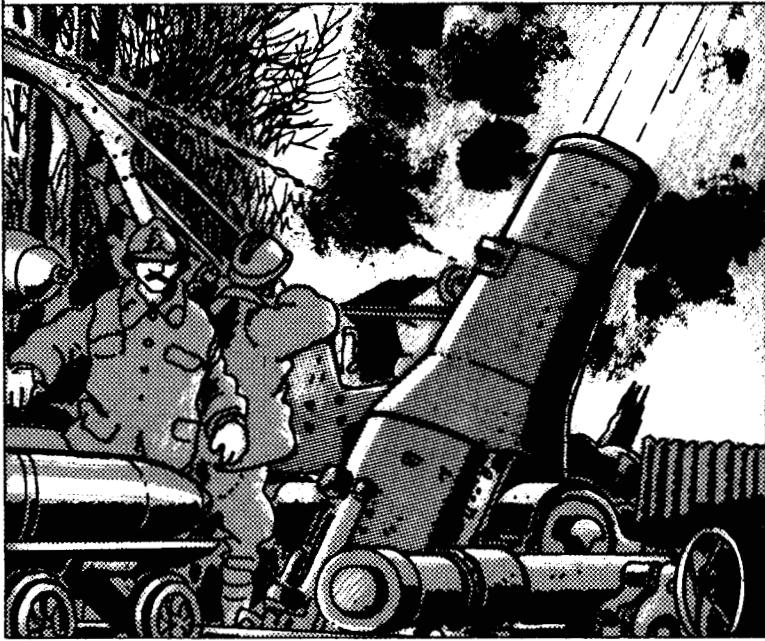
Октябрь 1917-го...

Прогремело трижды... Прямо как в театре...
Сперва 7-килограммовый снаряд, потом
105-миллиметровая пушка исторгла 16 кг,
а затем ударила и 400-миллиметровая.
Вес снаряда — 900 кг!

В начале дня артиллерия изводит тонны взрывчатки. Пушки нагреваются, артиллеристы глохнут.

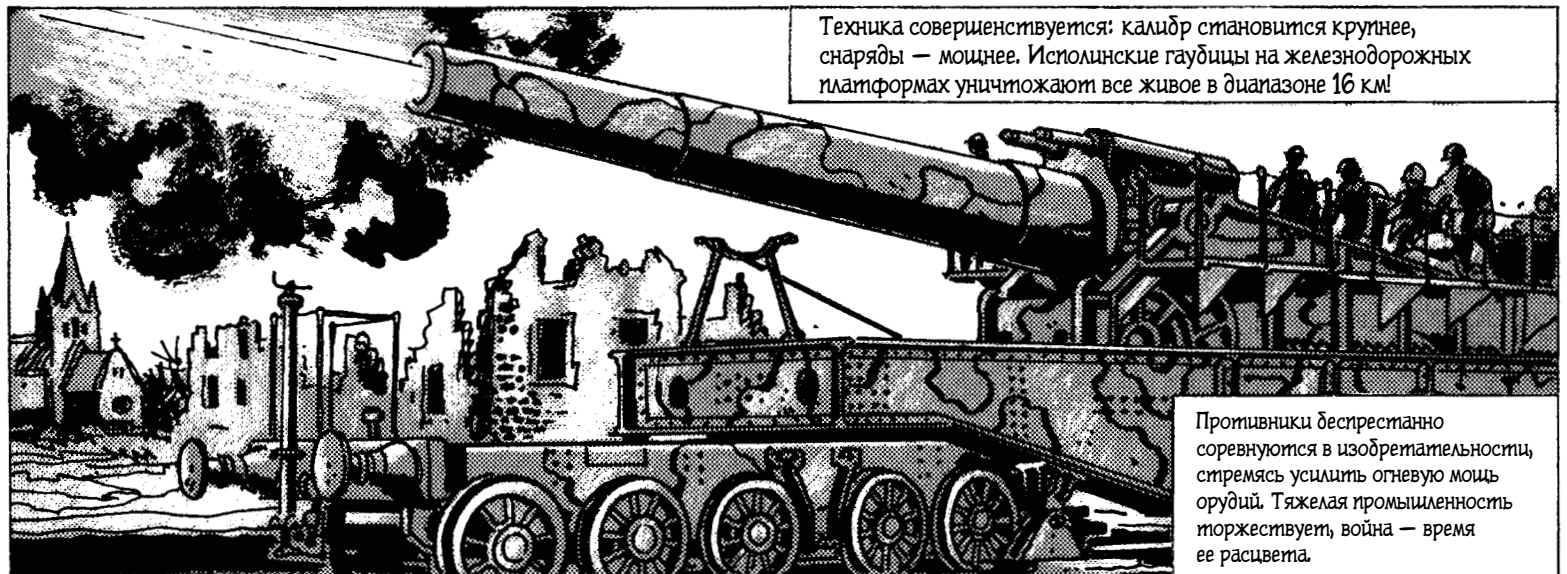
С одной стороны палят немецкие пушки с рурских заводов Круппа...

... с другой им вторят французские машины из Ле-Крёзо и Сент-Этьена, танки Шнейдера, Сен-Шамона и других выдающихся деятелей...

Техника совершенствуется: калибр становится крупнее, снаряды — мощнее. Исполинские гаудицы на железнодорожных платформах уничтожают все живое в диапазоне 16 км!

Противники беспрестанно соревнуются в изобретательности, стремясь усилить огневую мощь орудий. Тяжелая промышленность торжествует, война — время ее расцвета.

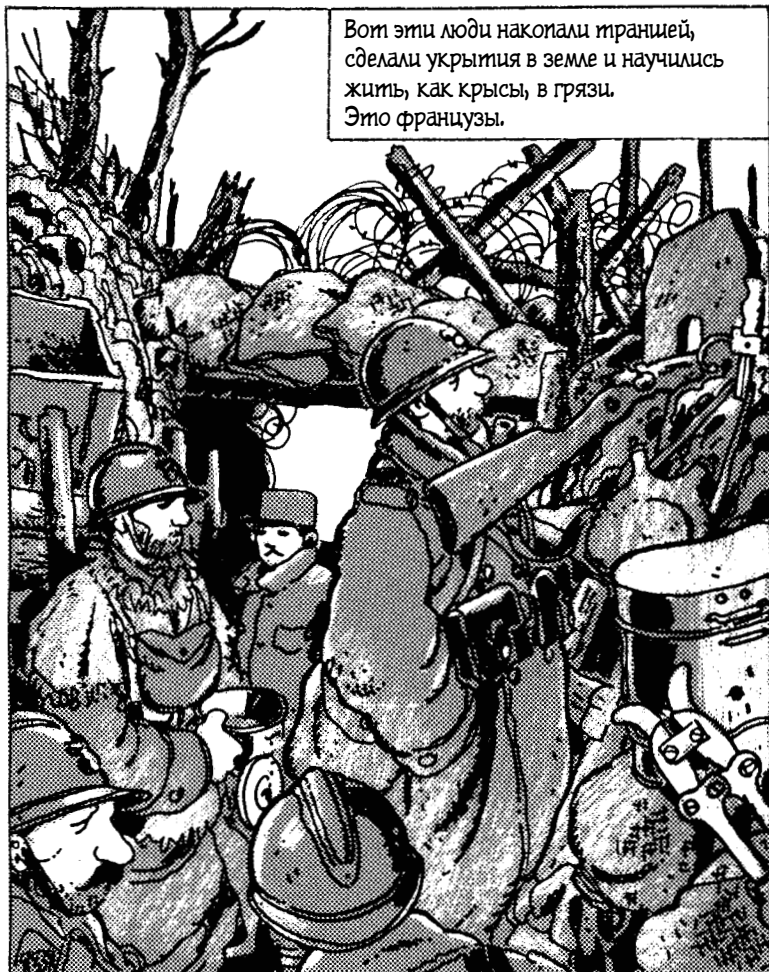
Мы стреляем по лодям... И это в порядке вещей: вот уже три года мы ведем окопную войну...

...Самое удивительное, что там, в окопах, еще теплится жизнь, сколько ни стреляй по этому клочку земли.

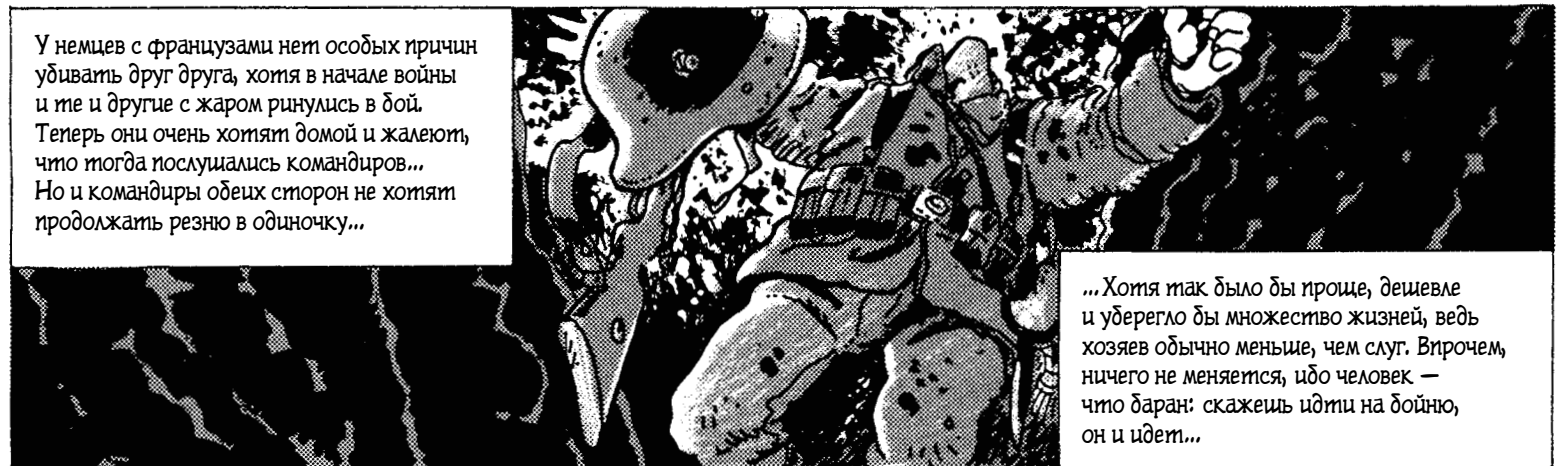
Вот эти люди накопили траншею, сделали укрытия в земле и научились жить, как крысы, в грязи. Это французы.

С другой стороны картинка та же, но траншеи лучше, ведь их копали немцы. Французы прозвали врагов дошами то ли из презрения, то ли из ненависти, а может, по глупости. Ибо что такое война, как не глупость?

У немцев с французами нет особых причин убивать друг друга, хотя в начале войны и те и другие с жаром ринулись в бой. Теперь они очень хотят домой и жалеют, что тогда послушались командиров... Но и командиры обеих сторон не хотят продолжать резню в одиночку...

...Хотя так было бы проще, дешевле и удерегло бы множество жизней, ведь хозяев обычно меньше, чем слуг. Впрочем, ничего не меняется, ибо человек — что баран: скажешь идти на бойню, он и идет...

Место столкновения противоборствующих армий — фронт. А между линиями обороны лежит нейтральная полоса, или ничья земля, как зовут ее англичане.

Частенько солдатам приказывают покинуть траншею, и тогда на нейтральной полосе ведутся ужасающие ближние бои. Задача французов — захватить передний край обороны немцев; задача немцев — захватить передний край французов...

На нейтральной полосе установлены проволочные заграждения, предохраняющие от неожиданных нападений. Воронки от снарядов заливаются дождем. Среди всевозможных обломков лежат тела погибших и раненые в предсмертных корчах.

По ночам здесь что только не происходит: солдаты приходят посмотреть, как там противник, лапают прорехи в колючке, совершают вылазку за пленными, забирают раненых или хоронят убитых соратников, которые лежат с открытыми глазами, гниют, зацепившись за проволоку, и нагоняют тоску на солдат.

На переднем плане — убитый солдат 2-го класса Бине.

Бине был у друствера, когда явился капитан, редкий гость на передовой, и приказал Фошо проверить воронку у развалин фермы. Там находился наш сторожевой отряд, и от него давно не было вестей.

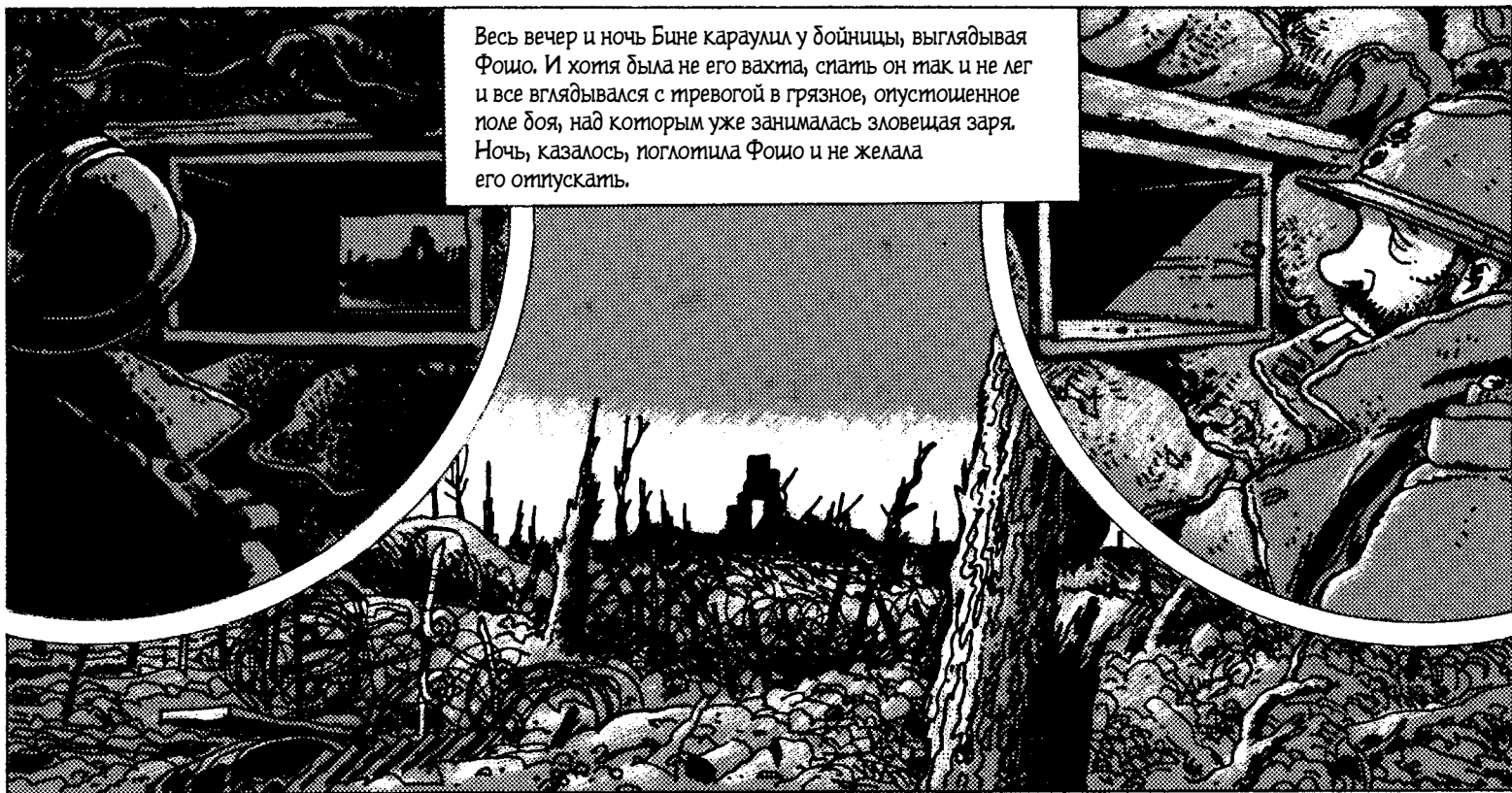

Капитан отдал еще кучу распоряжений Фошо, и в полдень тот отправился в путь с вещмешком, полным гранат. Прежде чем вылезти из траншеи, он отдал Бине конвертик из голубой бумаги вроде той, в которую школьники заворачивают учебники.

Бине долго смотрел, как Фошо полз по нейтральной полосе, пока не скрылся из виду. Добрался ли он благополучно до воронки у бывшей фермы? Днем послышался взрыв гранаты. А после — тишина...

Весь вечер и ночь Бине караулил у бойницы, выглядывая Фощо. И хотя была не его вахта, спать он так и не лег и все вглядывался с тревогой в грязное, опустошенное поле боя, над которым уже занималась зловещая заря. Ночь, казалось, поглотила Фощо и не желала его отпустить.

День прошел спокойно. Вестей от Фощо так и не было. Ночью батальон стал отходить.

Солдаты пробивались через грязь по закоулкам траншей до последней линии, где они наконец скрылись из поля зрения немцев и смогли выйти на поверхность.

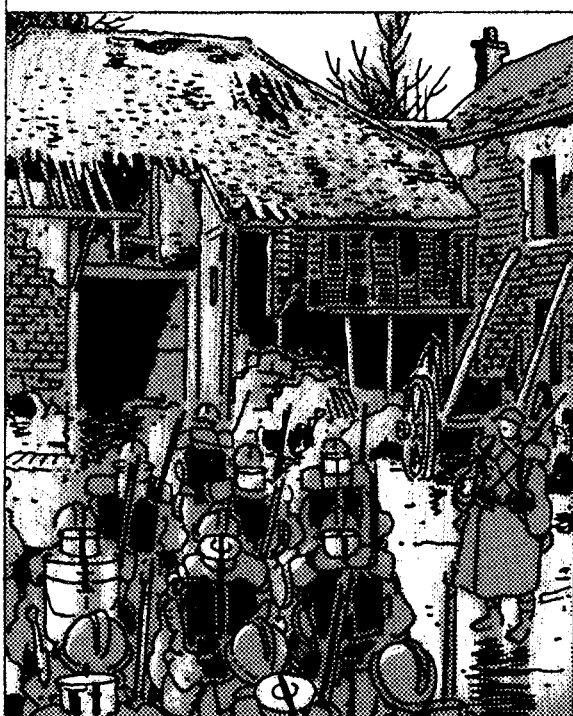

На заре после шестичасового марш-броска они добрались до деревни в тылу, где им полагалось несколько дней отдыха. Они убедились, что отошли достаточно далеко от зоны боевых действий, когда увидели двух жандармов.

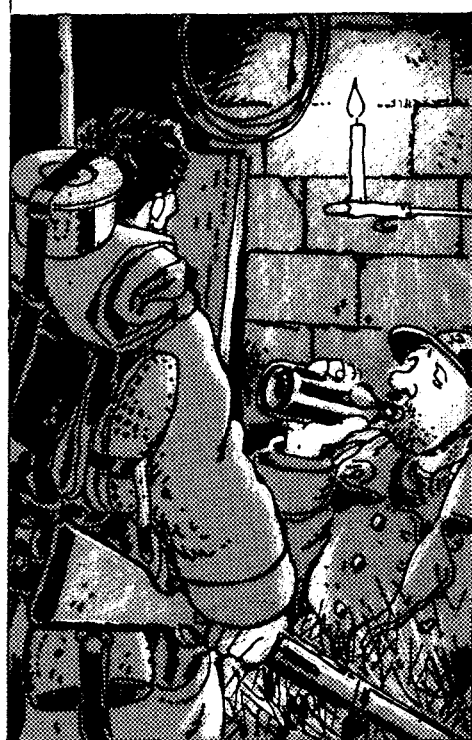
О жандармах всякое рассказывали, и эти истории сводили с ума солдат, которые еще ничего, кроме тыла, не видели. Во время последнего отступления жандармы перестреляли отстававших. Говорили, что солдаты повесили пару легавых из-за стычки. Быва, в общем-то, был не против того, что их вешают... Совсем не против!

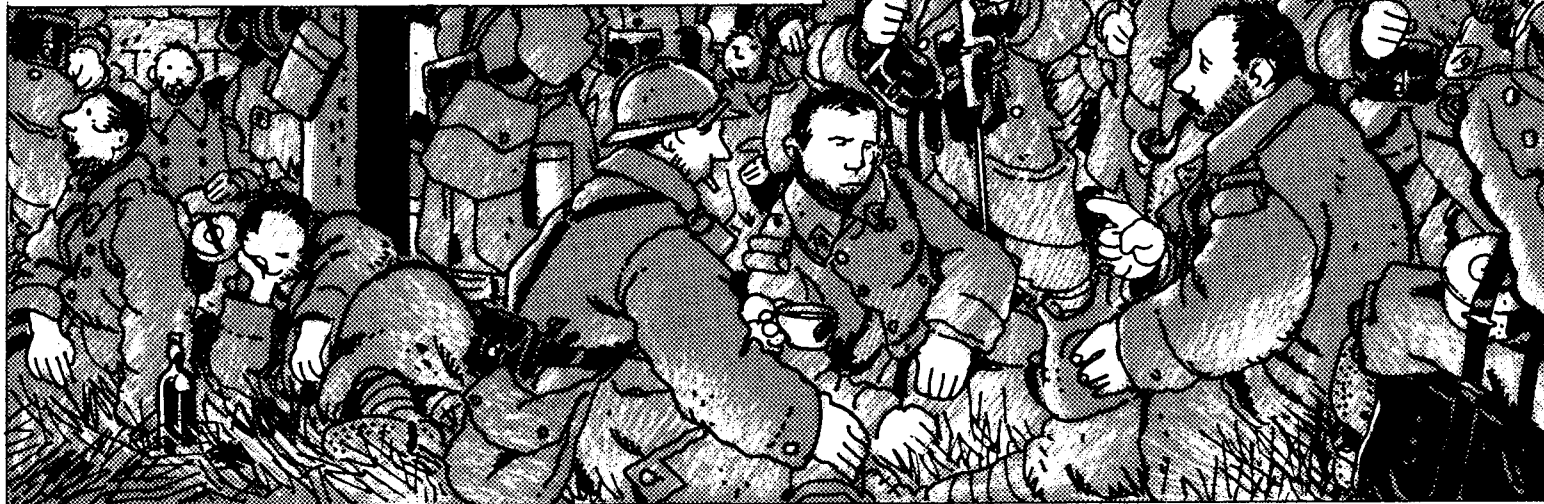
Измученные, они добрались до фермерских амбаров, где им предстояло ночевать. Сохранившиеся жилые дома были заняты офицерами, и те уже спали...

У кого водятся денежки, найдет ночлег получше, но большинство устраивается на подстилке из гнилой соломы.

Настоящий отдых: пара дней в деревне, в тылу, где безопасно, в сравнении с траншеей, и можно побыть наедине с собой, а не в тесноте, которая так угнетала Бине. Меж тем амбар, куда их заселили, уже превращался в казарму: солдаты начали «брататься» и зубоскалить. Тела лежали вповалку и источали вонь.

Среди них были и славные безлобные парни, и расторопные, и ушлые, и поразительно тупые увальни, и доброжелательные, и совсем уж бестолочи...

Как всегда, нашелся и свой зануда, несносный всезнайка. Этот парижанин был, пожалуй, самым противным из всех: ему все казалось, что он тут главный, как учитель в школе.

...Были тут и молчуны — таких Бине уважал более остальных. Но когда становилось совсем невмоготу, Бине ненавидел их всех... Не было у него чувства локтя.

